8. Detochenko L.V. Osobennosti processov vosproizvodstva naselenija v Volgogradskoj oblasti na sovremennom jetape // Jekologo-geograficheskie problemy regionov Rossii: materialy II Vseros. zaoch. nauch.-prakt. konf., posvjashh. stoletiju PGSGA (g. Samara, 15 janvarja 2011 g.). Samara: PGSGA, 2011. S. 159–161.

9. Detochenko L.V. Sravnenie pokazatelej vosproizvodstva naselenija po otdel'nym municipal'nym rajonam Volgogradskoj oblasti // Geograficheskoe obrazovanie v shkole i v vuze: teorija i praktika: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. (g. Volgograd, 28 marta 2011 g.). M.: Planeta, 2011. S. 48–49.

10. Detochenko L.V., Lobanova N.A Vozmozhnosti izuchenija naselenija municipal'nyh rajonov Volgogradskoj oblasti (na primere Ilovlinskogo rajona) // Vestn. Volgogr. gos. un-ta. Ser. 11: Estestvennye nauki. 2015. № 4(14). S. 50–61.

11. Lobanova N.A. Jetnodemograficheskie osobennosti naselenija Volgogradskoj oblasti // Voprosy kraevedenija: materialy XVIII i XIX kraevedcheskih chtenij / Volgogradskij oblastnoj kraevedcheskij muzej. Volgograd, 2008. S. 364–367.

12. Naselenie Volgogradskoj oblasti. 2008. Statisticheskij sbornik / Territorial'nyj organ Fed. sluzhby gos. statistiki po Volgogr. obl. Volgograd, 2008.

13. Statistika naselenija s osnovami demografii / G.S. Kil'dishev, L.L. Kozlova, S.P. Anan'eva [i dr.]. M.: Finansy i statistika. 1990.

Demographic situation in the Volgograd region at the turn of XX–XXI centuries

The article deals with the features of the demographic situation in the Volgograd region at the turn of XX–XXI centuries by the example of the population natural movement (birth rate, mortality and population natural growth) based on the statistics. The reasons influencing the reproduction of the population of rural municipal regions of the Volgograd region are under consideration in the article.

Key words: *natural movement of population, population reproduction, birth rate, mortality, natural increase, depopulation processes, subtypes of reproduction (narrowed, slightly expanded, simple).*

(Статья поступила в редакцию 29.11.2017)

Н.А. БАЗЗАЕВ
(Цхинвал)

РЕЗУЛЬТАТЫ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ (1929–1939 гг.)

С применением сравнительно-исторического метода рассматриваются особенности осуществления процесса коллективизации в отдельном регионе СССР – Южной Осетии. Постулируется вывод о противоречивых результатах коллективизации в регионе: с одной стороны, наблюдалась положительная динамика роста сельскохозяйственного производства, с другой – для Южной Осетии были характерны все негативные характеристики данного процесса, проявляющиеся в масштабах всего государства.

Ключевые слова: *коллективизация, колхоз, совхоз, кулачество.*

Многочисленные аспекты, связанные с осуществлением коллективизации советского сельского хозяйства в 1930-е гг., до настоящего времени продолжают оставаться в центре внимания исторической науки. Аграрные преобразования конца 1920-х – 1930-х гг. относятся к числу важнейших политических мероприятий в советской истории, коренным образом изменивших социально-экономические отношения в деревне, повлиявших (и до сих пор оказывающих влияние) на весь ход развития страны. Справедливой, по нашему мнению, является позиция, определяющая коллективизацию как «глубочайший революционный переворот, <...> равнозначный по своим последствиям революционному перевороту в октябре 1917 года» [6, с. 191].

Кроме того, актуализация исследовательского интереса к данной проблематике в настоящее время объясняется радикальной ревизией старых подходов к оценке этого процесса, характерных для советской историографии, которые заключались в его идеализации. Типичным примером такой позиции являются, на наш взгляд, исследования советского историка И.Е. Зеленина [2; 3], в которых обосновывалась объективная необходимость осуществления коллективизации из-за якобы очевидных преимуществ коллективных хозяйств над индивидуальными. В дальнейшем советские историки всесторонне обосновывали данный тезис, рассматривая в своих работах вопросы перспективного аграрного роста, активизации

© Баззаев Н.А., 2018

процессов интенсификации производства, увеличения удельного веса аграрных рабочих в социальной структуре деревни [1; 4; 10; 14; 15].

Результатом радикальной ревизии исследовательских подходов в отечественной исторической науке, произошедшей после ликвидации СССР, стало закрепление противоположной точки зрения, представители которой рассматривают коллективизацию исключительно в качестве негативного явления, связывая ее осуществление с процессом становления тоталитарного политического режима в СССР. В этом смысле коллективизация объявляется одним из инструментов проведения массовых репрессий. Особенно показательны в данном отношении работы Е.А. Осокиной [8; 9]. Уделив основное внимание изучению экономического развития страны в 1920–1930-е гг., автор сделал акцент на вопросах снабжения населения товарами и продовольствием, а также осветил уровень жизни населения в годы первых пятилеток. В итоге Е.А. Осокина пришла к неутешительному выводу о том, что в результате огосударствления и централизации экономики в СССР был создан тип хозяйства, который определил низкий материальный уровень жизни общества на все годы существования советской власти. В стране образовалась своеобразная «иерархия потребления», и крестьянство занимало в этой иерархии низшую ступень, имея самые низкие доходы и уровень жизни.

Таким образом, стремление всесторонне осмыслить процесс коллективизации является одним из трендов современной исторической науки. В связи с этим в настоящее время начинают появляться историографические исследования, посвященные данной проблематике [7].

Современная исследовательская ситуация определенно показывает необходимость более взвешенного подхода к проблемам анализа сущности, хода и результатов коллективизации советского сельского хозяйства. Очевидно, что для формирования такого подхода следует учитывать максимально возможное количество данных об этом процессе. В связи с этим в центре внимания исторической науки должен находиться региональный срез коллективизации, выяснение обстоятельств ее проведения в отдельных частях огромной страны. Именно поэтому целью настоящей статьи является осуществление комплексного анализа реформирования сельского хозяйства, а также практических итогов, находящих выражение в конкретных экономических показателях коллективизации, осуществленной в Южной Осетии.

Рассматривая данный вопрос, в первую очередь необходимо отметить, что имеющиеся архивные данные убедительно свидетельствуют о том, что коллективизация в Южной Осетии происходила в полном соответствии со стратегией, реализуемой на общегосударственном уровне. Она была определена в декабре 1929 г., когда на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) в его составе была создана специальная комиссия для разработки вопросов о темпах коллективизации в различных районах СССР и о мерах помощи со стороны государства, с соответствующим пересмотром принятого плана коллективизации по годам. В ходе работы данной комиссии были созданы подкомиссии для проработки отдельных вопросов. Основными из этих подкомиссий были:

– по вопросу о системе управления и построения общественных и хозяйственных организаций в округах сплошной коллективизации, цель которой заключалась в осуществлении пересмотра системы управления и построении ее в новом виде в отношении всех общественных и хозяйственных организаций (партийных организаций, кооперативных организаций, комитетов взаимопомощи, земельных обществ, советов, профсоюзных организаций, отношения между округами и районами и проч.);

– по вопросу о политике в отношении кулаков в районах осуществления сплошной коллективизации;

– по вопросу о перераспределении наличных ресурсов и дополнительных ресурсов (эта подкомиссия должна была разработать план усиления материального снабжения районов сплошной коллективизации);

– по вопросу о кадрах (созданная с целью кадрового обеспечения функционирования образующих коллективных хозяйств).

Кроме того, создавался оперативный орган управления процессом создания коллективных хозяйств – Колхозцентр, правлению которого рекомендовалось исходить из той установки, что сплошная коллективизация в основных зерновых районах должна быть закончена в 2–3 года и в остальных районах в основном к концу пятилетки, причем в последнем случае не исключается возможность оставить известный резерв, выходящий за пятилетие [12, с. 37]. Таким образом, данный документ свидетельствует о том, что коллективизация изначально рассматривалась в качестве масштабного радикального реформистского процесса, призванного принципиальным обра-

зом изменить не только систему хозяйственного производства, но и социальную структуру сельскохозяйственных тружеников.

Анализ состояния развития сельского хозяйства в период становления советской власти и реализации новой экономической политики требует согласиться с мнением о том, что возникновение колхозного движения не было следствием развития производительных сил в деревне и переворота в системе производственных отношений. Это позволяет рассматривать колхозное движение как искусственно создаваемое и поддерживаемое сверху, а не как отражение естественно назревавших потребностей к отказу от единоличного хозяйства в пользу обобществленного сельскохозяйственного производства

На наш взгляд, коллективизация представляла собой в первую очередь инструмент преодоления острого социально-экономического кризиса в аграрной сфере. Можно согласиться с мнением о том, что И.В. Сталин и его окружение в высших эшелонах власти, начиная форсированную коллективизацию, все-таки верили в благотворное влияние массового колхозно-совхозного строительства на сельское хозяйство. И задача осуществления индустриализации за счет фактического ограбления деревни и тем более голодомора первоначально не ставилась [5, с. 29].

Официальная статистика свидетельствует о том, что местные особенности сельского хозяйства вносили значительные коррективы в процесс осуществления коллективизации в отдельных регионах страны. В частности, на наш взгляд, ключевой особенностью коллективизации в южноосетинском сельском хозяйстве явилось сравнительно небольшое количество образованных коллективных хозяйств, их формирование преимущественно в форме совхозов, а также их слабая организационно-финансовая обеспеченность. Представляется, что указанные обстоятельства были обусловлены фактическим отсутствием в регионе устойчивых предпосылок для формирования коллективных хозяйств вследствие характеристик социальной структуры крестьянского населения, в которой преобладали представители крепких середняцких хозяйств, не заинтересованных в процессе обобществления средств сельскохозяйственного производства.

Вместе с тем первоначально (начиная с 1930 г.) коллективизация южноосетинского сельского хозяйства происходила ударными темпами, в первую очередь благодаря «маниакальному администрированию» местных партийных чиновников, стремящихся любой ценой максимально быстро исполнять партийные директивы, зачастую полностью игнорируя местные условия. 3 февраля 1930 г. Президиум областного ЦИКа Ю. Осетии издал практические рекомендации по поддержке колхозного строительства, в которых районным исполнительным комитетам ставилась задача добиваться стопроцентного обобществления скота, земли и инвентаря, осуществления мобилизации всех организационных и финансовых средств в целях обеспечения создания высших форм коллективных хозяйств, проведения оперативного и эффективного землеустройства коллективных хозяйств, организации расширенных курсов колхозного строительства. Одновременно местным органам власти рекомендовалось осуществление откровенно дискриминационной политики в отношении индивидуальных крестьянских хозяйств [16. Д. 375. Л. 9–12].

Практическая реализация положений данного документа привела к достижению значительных результатов: уже к концу первого квартала 1930 г. масштабы коллективизации были поразительными – 90 % индивидуальных хозяйств были задействованы в данном процессе. Повсеместно с «отказниками» проводилась активная «профилактическая» работа, заключавшаяся в осуществлении прямых репрессий, ущемлении их прав и прав членов их семей. Например, имелись случаи прямого запрета детям «отказников» посещать школы [Там же. Д. 589. Л. 3].

Следует отметить, что вышеуказанные злоупотребления при осуществлении процесса коллективизации были распространены в стране повсеместно. Как следует из доклада ОГПУ, к началу февраля 1930 г. раскулачивание приобрело большие масштабы, но вследствие неорганизованности и стихийности прошло при наличии значительного числа перегибов и искривлений классовой линии. В ряде мест решения выносились по инициативе или под влиянием партийно-советского актива, без участия масс, предварительной работы с беднотой. К вопросу раскулачивания сельсоветы подходили формально, чрезвычайно упрощенно и механически. Реализация решений нередко сопровождалась безобразными явлениями – конфисковалось все, без соблюдения всяких юридических норм, забирались детские пеленки, готовая пища. С целью создания массового эффекта выселение кулаков из домов производилось ночью, нередко со взломом дверей. Все это в местах перегибов и извращений широко

использовалось кулаком и антисоветским элементом и при слабости массовой работы приводило к:

– резкому нарастанию недовольства даже среди бедноты, росту провокационных слухов, к постановлениям общих сходов о несогласии в вопросах раскулачивания с политикой партии;

– росту опасений середняка, обнаруживающего в некоторых районах тенденции к бегству;

– массовым эксцессам и выступлениям, главным образом неорганизованной части женского населения, нередко носящим затяжной характер [12, с. 451–452].

Наиболее распространенной формой недовольства колхозным строительством и политикой раскулачивания как в целом по стране, так и в Южной Осетии стала практика намеренной порчи собственного имущества, которую следует рассматривать в качестве прямого саботажа коллективизации.

Имеющиеся статистические материалы ОГПУ по абсолютному большинству районов страны отмечают усилившуюся распродажу и убой рабочего и продуктивного скота (лошадей, коров, свиней и овец), принимавшие местами массовый характер. Как довольно распространенное явление отмечался убой крестьянами своего скота для засола и личного употребления в таких районах, где в предыдущие годы это не наблюдалось. Массовый убой скота происходил также и вне скотобоен, без всякого врачебного осмотра и контроля. Массовая распродажа и убой скота преимущественно наблюдались у зажиточных слоев деревни и кулачества – несдатчиков хлебных излишков и индивидуальников. Сильно увеличившееся предложение скота, повлекшее за собой понижение цен, повсюду использовалось барышниками-кулаками, разными спекулянтами-скупщиками, скупавшими скот иногда по крайне низким ценам [Там же, с. 87–88]. Кроме того, по данным Наркомзема СССР, «с конца декабря 1931 г. до начала января 1932 г. в отдельных районах Союза отмечался ряд отрицательных явлений, таких как массовое неорганизованное отходничество, выход из колхозов, сброска земли, продовольственные и фуражные затруднения, убой и падеж скота, массовые преступления и пр.» [13, с. 318].

Партийное руководство вынуждено было бороться с такой практикой методами прямого административного принуждения. Так, уже 24 января 1930 г. было издано Постановление местного ЦИК, согласно которому запрещался массовый забой скота под угрозой уголовной ответственности, реализуемой в форме штрафа, сопряженного с принудительным выселением либо лишением свободы на срок до двух лет. Одновременно финансово стимулировались доносы о фактах убоя скотины [16. Д. 297].

Кризисные явления в советском сельском хозяйстве, а также неоправданные масштабы репрессий в отношении противников колхозного строя, грозившие срывом процесса индустриализации и наступлением масштабного социально-экономического кризиса, заставили советское правительство несколько пересмотреть ход создания коллективных хозяйств в целом по стране. Результатом этого пересмотра стало появление известной статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов», которая в значительной степени повлияла на интенсивность создания коллективных хозяйств как в целом по стране, так и в отдельных ее регионах, в том числе и в Южной Осетии.

Реакцией на эту публикацию стало Постановление президиума Юго-Осетинского обкома КП(б) Грузии от 21 марта 1930 г. о колхозном строительстве. По своей содержательной структуре данный документ практически полностью копировал вышеуказанную публикацию Сталина. Несмотря на констатацию решительных успехов в создании коллективных хозяйств (по состоянию на 1 марта 1930 г. данный процесс затронул боле 92 % всех крестьянских хозяйств), в решении перечислялись серьезные недочеты в работе по формированию коллективных хозяйств, обусловленные в первую очередь проявлением излишней инициативы, неоправданным администрированием, неучетом организационно-финансовых условий. Далее ставилась задача добиться решительного завершения процесса формирования коллективных хозяйств на основе адекватной оценки реальных социально-экономических условий, а также организационного укрепления коллективных хозяйств посредством практической реализации целого ряда мероприятий [11, с. 194–197].

В частности, были отчасти обеспечены реализация принципа добровольности при вступлении в колхоз и свободный выход из них. В результате к концу 1930 г. доля коллективных хозяйств в регионе сократилась до 20 %. В то же время к 1934 г. партийным структурам не удалось решить проблему кулацкого саботажа, выражавшегося в осуществлении массово-

го забоя скота (количество его поголовья имело устойчивую тенденцию к падению). Результатом стали неоднократные срывы регионального плана животноводческого производства [16. Д. 516. Л. 1, 4, 6].

Несмотря на отмеченные негативные явления, сопровождавшие процессы коллективизации в области, официальная статистика показывала устойчивый экономический рост в сфере сельского хозяйства. В частности, к 1934 г. имело место увеличение посевных площадей. В то же время лишь 51 % приходился на долю коллективных хозяйств. В дальнейшем доля коллективных хозяйств в посевных площадях неуклонно возрастала параллельно с их количественным ростом – к маю 1935 г. уже имелось 102 таких хозяйства [11, с. 266].

Успехи были достигнуты в процессе внедрения интенсивных сельскохозяйственных культур (с 1930 по 1934 г. площадь под садами и огородами возросла на 156 %), в проведении механизации сельского хозяйства, а также в обеспечении повышения материально-культурного уровня колхозников. В 1939 г. в регионе появилась первая машинно-тракторная станция, имевшая в распоряжении 13 тракторов. Активно развивалось пчеловодство – в 1930 г. в Южной Осетии существовало более 5 тыс. ульев [Там же, с. 278].

По данным официальной статистики, интенсификация процесса организации коллективных хозяйств привела к значительным успехам в животноводческой отрасли. Если в 1921 г. область располагала 32 886 головами крупного рогатого скота, 44 277 головами мелкого, то в 1930 г. было 77 224 и 136 934 головы соответственно [16. Д. 516. Л. 4].

Большим успехом стала организация в 1930 г. крупного животноводческого совхоза с двумя отделениями в селе Ксиус и городе Цхинвале. Это позволило значительно превысить план по выработке молочной продукции – в 1930 г. было произведено 17 т сыра разнообразного ассортимента («осетинский», «голландский», «советский»), 9 т масла, 560 т шерсти. Такие успехи позволили осетинским животноводам вызвать на социалистическое соревнование коллег из Чечено-Ингушской республики [17. Д. 154. Л. 2]. Кроме того, в 1936 г. югоосетинские колхозники не только досрочно и в полном объеме выполнили план сдачи государству животноводческой продукции, но и по шерстезаготовкам завоевали Закавказское переходящее знамя [16. Д. 589. Л. 2]. Немаловажно также, что в том же году область перевыполнила по кормовым культурам обязательства, взятые по соцдоговору с Чечено-Ингушетией, обеспечив скот доброкачественным кормом и сытой зимовкой [16. Д. 589. Л. 2].

В числе успехов строительства коллективных хозяйств следует отметить и повышение производительности труда. Преимущественно за счет внедрения сдельщины на трудодень колхозника в 1934 г. стало приходиться 6,5 кг. В дальнейшем данная положительная тенденция была продолжена. Как указывал в 1938 г. в докладной записке секретарь Юго-Осетинского обкома КП(б) Грузии В. Цховребашвили: «С повышением урожайности значительно выросла и стоимость трудодней. Если в прошлые годы по зерновым колхозам на трудодень приходилось 3,5, то в 1937 году на один трудодень – 7–10 кг» [11, с. 279]. К очевидным успехам можно отнести и организацию в 1935 г. укрупненного опорного пункта плодоводства, что позволило реанимировать данную отрасль сельскохозяйственного производства [17. Д. 154. Л. 2].

Позитивные тенденции в организации коллективных хозяйств дали возможность организовать эффективную подготовку к выставке достижений всесоюзного сельского хозяйства 1935 г., на которой югоосетинскими колхозами были представлены редкие экспонаты сельскохозяйственных культур [Там же. Д. 455. Л. 197]. Кроме того, к 1935 г. югоосетинские колхозники приняли активное участие в стахановском движении: по данным Наркомзема Юго-Осетии, более десяти ударников сельскохозяйственного труда перевыполнили трудовую норму в соответствующей сфере сельскохозяйственного производства более чем на 97 % [Там же].

В 1936 г. позитивные тенденции в развитии коллективных хозяйств региона были продолжены. В частности, по официальным данным, качественный рывок произошел в сфере животноводства, в результате не только была восстановлена данная отрасль сельскохозяйственного производства (преодолены негативные тенденции кулацкого саботажа, связанного с уничтожением поголовья скота), но и были значительно перевыполнены плановые показатели в основных сферах животноводческого производства.

Кульминацией успехов колхозного строительства в Южной Осетии стала победа коллективных хозяйств региона в 1936 г. в социалистическом соревновании с Чечено-Ингушской областью. При этом договорное обязательство по ликвидации бескоровности в

коллективных хозяйствах было выполнено на 447,5 % [16. Д. 589. Л. 2].

В то же время нельзя не сказать об очевидных неудачах строительства коллективных хозяйств, зафиксированных даже в официальной государственной статистике. В этой связи обращал на себя внимание в первую очередь провал попыток создать в регионе крупное птицеводческое хозяйство. Птичий совхоз, организованный в Цхинвале в 1930 г., проработал всего около года и был закрыт во многом из-за неумелого руководства селекцией. Отсутствие квалифицированных кадров (в первую очередь агрономов и зоотехников) являлось ключевой проблемой колхозного строительства [11, с. 196].

Другой проблемой, указанной в официальных статистических отчетах уполномоченных органов, курирующих колхозное строительство, стало чрезвычайно неравномерное развитие колхозов в регионе. Были названы следующие причины такого положения дел.

Во-первых, это объяснялось географическими особенностями региона. В этой связи отмечалось, что в небольшой по населению Юго-Осетинской области существует огромное количество мелких населенных пунктов, расположенных вдали от друг от друга; колхозы, которые организованы в этих населенных пунктах, слишком малочисленные [Там же, с. 266]. Вследствие этого они объективно не имеют возможности составлять конкуренцию более крупным коллективным хозяйствам региона.

Во-вторых, признавались организационно-правовые сложности, связанные с функционированием коллективных хозяйств. В частности, в статистических материалах республиканского партийного архива отмечалось, что в горных районах Южной Осетии существуют так называемые горные животноводческие колхозы. В этих колхозах обобществленным являлся только продуктивный, крупный и мелкий рогатый скот. Он был обобществлен до решения июньского партийного пленума (1934 г.) или куплен позже у колхозников, имевших скот сверх уставной нормы. Небольшие же пахотные земли, рабскот и инвентарь, необходимый для их обработки, находился в личном пользовании колхозников [Там же, с. 266]. Иначе говоря, налицо было несоблюдение типового устава сельскохозяйственной артели, что, по мнению партийных функционеров, существенным образом затрудняло обеспечение высокоэффективного сельскохозяйственного производства.

Связанной с вышеуказанной являлась проблема недостаточного партийного контроля за деятельностью коллективных хозяйств. Отмечалось, что из 407 колхозов, которые существовали в регионе в 1936 г., партийные организации имелись лишь в 47, а партийно-комсомольские и кандидатские группы – в 24 [11, с. 266]. Указанное обстоятельство порождало несовершенство кадрового руководящего состава, недостаточную инициативность отдельных председателей колхозов, что в конечном счете приводило к многочисленным управленческим ошибкам и просчетам [Там же, с. 268–269].

Итак, анализ хода и результатов коллективизации в Южной Осетии позволяет сделать вывод о противоречивых результатах данного процесса.

С одной стороны, колхозное строительство сопровождалось очевидными успехами, о чем свидетельствуют многие цифры официальной статистики. Как утверждалось в материалах официального отчета местного партийного обкома за 1937 г., «в результате победы колхозного строя, механизации, введения комплекса агромероприятий, охватывающих все большую и большую площадь, урожай из года в год увеличивается» [Там же, с. 274]. Так, урожайность зерновых колосовых в 1933 г. была 5,9 ц с га, в 1935 г. – 8,4 ц, в 1937 г. – 10,4 ц [Там же, с. 275].

С другой стороны, коллективным хозяйствам региона были свойственны аналогичные общегосударственным проблемы, среди которых следует назвать нерентабельность большинства колхозов, низкий уровень их материально-технического обеспечения, профессиональной квалификации и уровня жизни работников. Кроме того, как и во всей стране, в Южной Осетии получили развитие такие пороки советской действительности, как прожектерство, излишнее администрирование, откровенно репрессивный подход в отношении противников колхозного строительства.

С нашей точки зрения, путь совершенствования сельскохозяйственного производства, избранный в 1930-е гг., изначально был порочен, поскольку был основан исключительно на логике экстенсивного подхода, основанного на жесткой эксплуатации тружеников села. Данный вывод убедительно доказала историческая практика – к 1980 г. советское сельское хозяйство полностью исчерпало потенциал своего развития, а положение в нем стало одним из ключевых вызовов национальной безопасности страны.

Список литературы

1. Вылцан М.А. Завершающий этап создания колхозного строя. М.: Наука, 1978.
2. Зеленин И.Е. Зерновые совхозы СССР (1933–1941 гг.). М.: Наука, 1966.
3. Зеленин И.Е. Совхозы СССР. 1941–1950 гг. М.: Наука, 1969.
4. Игнатовский П.А. Крестьянство и экономическая политика партии в деревне. М.: Мысль, 1974.
5. Ильиных В.А. Коллективизация деревни: проекты и реальность // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 27–33.
6. История ВКП(б). Краткий курс. М.: Писатель, 1997.
7. Мельникова Т.А. Историография аграрной политики СССР в 30-х гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2009. № 2. С. 61–71.
8. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.: РОССПЭН, 1999.
9. Осокина Е.А. Иерархия потребления: о жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935 гг. М.: МГОУ, 1993.
10. Островский В.Б. Новый этап в развитии колхозного строя. М.: Политздат, 1977.
11. Развитие народного хозяйства и культуры Юго-Осетинской автономной области. Документы и материалы (1930–1940). Цхинвали, 1967. Т. 2.
12. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: в 5 т. Т. 2: Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: Рос. полит. энцикл., 2000.
13. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы: в 5 т. Т. 3: Конец 1930–1933 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: Рос. полит. энцикл., 2001.
14. Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос: в 2 т. М.: Мысль, 1983. Т. 1.
15. Тюрина А.П. Социально-экономическое развитие советской деревни. М.: Мысль, 1982.
16. Центральный государственный архив Республики Южная Осетия (ЦГА РЮО). Ф. 4. Оп. 1.
17. ЦГА РЮО. Ф. 7. Оп. 1.

* * *

1. Vylcan M.A. Zavershajushhij jetap sozdanija kolhoznogo stroja. M.: Nauka, 1978.
2. Zelenin I.E. Zernovye sovhozy SSSR (1933–1941 gg.). M.: Nauka, 1966.
3. Zelenin I.E. Sovhozy SSSR. 1941–1950 gg. M.: Nauka, 1969.
4. Ignatovskij P.A. Krest'janstvo i jekonomicheskaja politika partii v derevne. M.: Mysl', 1974.
5. Il'inyh V.A. Kollektivizacija derevni: proekty i real'nost' // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2013. № 4. S. 27–33.
6. Istorija VKP(b). Kratkij kurs. M.: Pisatel', 1997.
7. Mel'nikova T.A. Istoriografija agrarnoj politiki SSSR v 30-h gg. // Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'. 2009. № 2. S. 61–71.
8. Osokina E.A. Za fasadom «stalinskogo izobilija»: Raspredelenie i rynok v snabzhenii naselenija v gody industrializacii. 1927–1941. M.: ROSSPJeN, 1999.
9. Osokina E.A. Ierarhija potreblenija: o zhizni ljudej v uslovijah stalinskogo snabzhenija. 1928–1935 gg. M.: MGOU, 1993.
10. Ostrovskij V.B. Novyj jetap v razvitii kolhoznogo stroja. M.: Politzdat, 1977.
11. Razvitie narodnogo hozjajstva i kul'tury Jugo-Osetinskoj avtonomnoj oblasti. Dokumenty i materialy (1930–1940). Chinvali, 1967. T. 2.
12. Tragedija sovetskoj derevni. Kollektivizacija i raskulachivanie. 1927–1939. Dokumenty i materialy: v 5 t. T. 2: Nojabr' 1929 – dekabr' 1930 / pod red. V. Danilova, R. Manning, L. Violy. M.: Ros. polit. jencikl., 2000.
13. Tragedija sovetskoj derevni. Kollektivizacija i raskulachivanie. 1927–1939: Dokumenty i materialy: v 5 t. T. 3: Konec 1930–1933 / pod red. V. Danilova, R. Manning, L. Violy. M.: Ros. polit. jencikl., 2001.
14. Trapeznikov S.P. Leninizm i agrarno-krest'janskij vopros: v 2 t. M.: Mysl', 1983. T. 1.
15. Tjurina A.P. Social'no-jekonomicheskoe razvitie sovetskoj derevni. M.: Mysl', 1982.
16. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Juzhnaja Osetija (CGA RJuO). F. 4. Op. 1.
17. CGA RJuO. F. 7. Op. 1.

Results of collectivization in South Ossetia in 1929–1939

The article deals with the features of the collectivization process in a separate region of the USSR – South Ossetia by means of the comparative historical method. The conclusion about the contradictory results of collectivization in the region is postulated: on the one hand, there were positive dynamics of growth of agricultural production, on the other hand – all negative features of this process were characteristic for South Ossetia, which can be found in the whole state.

Key words: *collectivization, collective farm, state farm, kulachestvo.*

(Статья поступила в редакцию 18.12.2017)